

Март - 1995 - 8 дек. - с. 4-5

- Вот странность - работая в США, я ни разу не слышал ни от кого из американцев, что вы эмигрировали. А вот как только я приезжаю в Россию, меня то и дело спрашивают: «Скажите, это правда, что Евтушенко эмигрировал в Америку?» Выходит, для американцев вы неотделимы от России. Многие из них еще со школы знают ваши стихи, они ходили на ваши выступления в Мэдисон Сквер Гардене, в Карнеги Холле, в Вашингтонском и Нью-Йоркских соборах, слушали песню «Хотят ли русские войны?».

А до этого, насколько мне известно, роман уже вышел во многих европейских странах и в Италии получил престижную премию Джованни Боккаччо за лучший переводной роман года.

Да, это входит в программу моей поездки по Америке в связи с выходом романа «Не умирай прежде смерти» на английском языке в издательстве «Рандом Хаус».

Даже от так называемой «заграничной счастливой жизни» люди не делают счастливыми, если не все ладно на родине. Кроме того, пусть те, кто завидует моему «заграничному счастью», не слишком

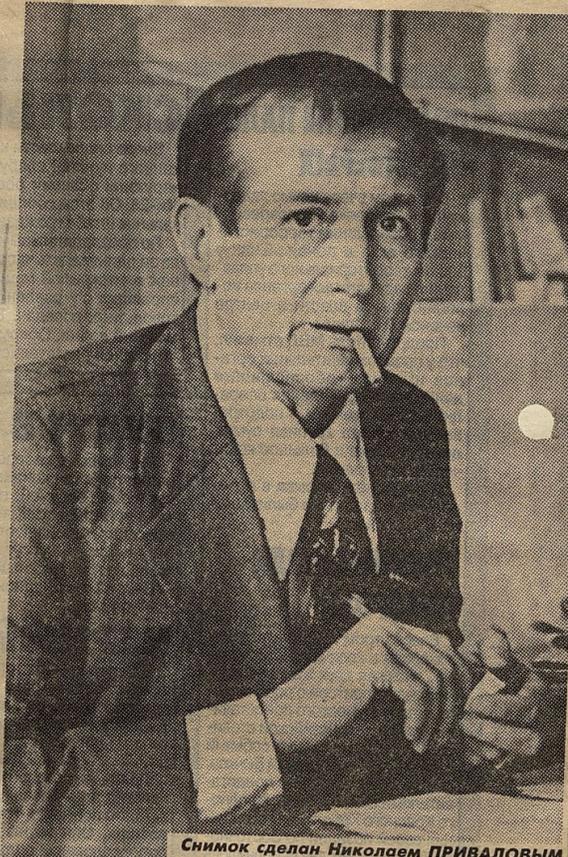
ман «Не умирай прежде смерти», по данным «Книжного обозрения», был бестселлером номер один современной русской прозы, и в издательстве не осталось ни одного экземпляра. Мои последние книги стихов «Нет лет» — в Санкт-Петербурге и «Золотая загадка моя» — в Иркутске, выпущенные тиражами по 50 тысяч, тоже полностью распроданы. Такое пренебрежительное отношение не только ко мне, а в целом к современной русской литературе — это не читательское, а издательское равнодушие.

А что касается меня лично — без России, без русских читателей своего существования не мыслю. Я каждый год в России, и не только в Москве, но и в глубинке — прежде всего, конечно, в Сибири. А этим летом собираюсь и на Дальний Восток. Мне грех жаловаться на

рей. Когда в городе Талса, штат Оклахома, где я преподаю, потерялся мой младшенький сын Митя, все жители двух соседних улиц с фонарями искали его по всем темным углам, пока не нашли этого негодника, мирно распивающего пепси с подобрившей его одинокой старушкой.

Я люблю своих студентов из университета Талсы — детей оклахомских фермеров, инженеров, нефтяников, ковбоев. Интересно, что мои студенты выше всех других фильмов оценили фильм Петра Тодоровского «Какая чудная игра», переживая, как за своих сокурсников, за чудесных русских ребят из киношной обшачи сталинских времен.

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО:

Снимок сделан Николаем ПРИВАЛОВЫМ в редакции газеты «Труд»

ГДЕ ДОРОГА ДОМОЙ?

перезиживают — у меня и здесь есть немало недоброжелателей, — правда, доброжелателей, как, впрочем, и в России, гораздо больше.

Нормальным людям это даже в голову не приходит.

Ненормальными во многих из нас сидит, да и может ли быть иначе? Разве это нормально, что мы столько лет терпели, когда нас, советских людей, арестовывали и убивали так называемые свои же, советские люди, да не тысячами, а миллионами? Семьдесят четыре года у нас была только одна партия — это что, нормально? А то, что у нас сейчас 272 партии вместо одной — это что, тоже нормально?

А то, что в стране, потерявшей 26 миллионов людей в войне против фашизма, есть те, кто распространяет «Майн кампф» и празднует дни рождения Гитлера — это нормально?

Нормально ли, если в нашей стране то призывают с парламентского балкона к вооруженному штурму телевизора, то собственные танки шмалют по этому же парламенту, то в этом же самом парламенте дерутся, оскорбляют друг друга? А нормально то, что швейцар в казино получает «чаевых» за одну ночь больше, чем инженер зарабатывает за месяц?

А разве нормально то, что прожиточный минимум выше пенсий тех людей, которые всю жизнь честно проработали.

Кстати, вы ведь перешагнули за 60 лет, а начали печататься, если я не ошибаюсь, еще с 1949 года. У вас-то, наверно, персональная пенсия?

Самая обыкновенная. Но у меня по крайней мере есть гонорары за издания за рубежом, а у большинства пенсионеров их, конечно, нет. Российские гонорары, увы! — не в счет — на них не проживешь. Три года я безнадежно ишу издательство, которое выпустило бы мое первое крупное собрание сочинений — семь томов. И это совсем не потому, что моих книг никто не хочет покупать — мой ро-

жизнь, ибо она подарила и мне, и моей поэзии верных друзей, рассыпанных по всей России. Да, я отдавал столько яда зависти, но и любовью не был обделен. Но у меня есть друзья и читатели не только в России. Так что не надо меня «приватизировать» или даже «национализировать». В России для меня человечество началось, но не кончилось.

А как вы у вас друзей больше — русских или иностранцев? Друзья — это уже не иностранцы. Вот рассыпался Советский Союз, но разве от этого мои друзья, живущие в других республиках, стали для меня иностранцами? Бесмысленная этническая война между абхазами и грузинами жестоко отобрала у меня двух ближайших друзей — грузина Дзумбера Беташивили и абхаза Ивана Тарбу.

Тем же бессмысленно был сожжен мой дом на берегу Черного моря в Гурлиппе, да только ли мой дом!.. Как я могу позволить себе считать иностранцами моих украинских друзей — донецкого инженера Мишу Каца, харьковского историка Валерия Мещерякова, великого актера Богдана Ступку и не менее великого черновицкого импресарио Сеньо Цедельковского? Все его пяничного номера не хватит на имена моих друзей из бывших союзных республик.

Но география моей дружбы не только внутри очертаний бывшего СССР. Только в этом году я несколько раз летал на встречи с моими читателями в Италию, в Англию, в Германию, произнес речь на открытии выставки «Берлин — Москва». Я никогда бы не стал преподавать в Америке только из-за денег, если бы у меня не было и здесь близких друзей.

Американский профессор Альберт Тодд, с которым я дружу уже больше 35 лет, дважды здорово вырубал во времена холодной войны: первый раз, когда церберы коммунисты в советской миссии в Нью-Йорке шантажировали меня угрозами, а второй раз, когда меня атаковали на сцене в Сан-Паоло, в штате Минеаполис, брызжащие пеной ненависти антикоммунисты.

У меня самого — пятеро сыновей, а в США, в семьях моих американских друзей — пять крестных доче-

НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ ВИССАРИОН СИСНЁВ ВСТРЕТИЛСЯ С ПОЭТОМ В НЬЮ - ЙОРКЕ

городе Оклахома, написала в своей экзаменационной работе, что ей помогли перенести это горе образы Анны Ахматовой и Марины Цветаевой, на долю которых выпали еще более тяжкие страдания. Американцы, которые учатся нравственности у Ахматовой и Цветаевой, — это уже другие американцы. Но и русские, которые не знают ни одной поэтической строки, — это тоже совсем другие русские. Страшновато, если таких русских будет все больше.

Значит, вы все-таки присоединяетесь к точке зрения, что интерес к поэзии в России упал? Нет, нет и нет... Но сейчас русский народ гипнотизируют, насильственно внушая ему, что настали другие, совсем непоэтические времена, что он, русский народ, поэзией перестал интересоваться.

Простите, кто гипнотизирует, для чего? Мы семьдесятков лет прожили под однопартийной политической диктатурой и знаем, как она губительна для полноценного развития. Но если в нашем обществе не произойдет кардинального нравственного поворота (но, не дай Бог, переворота!), то мы рискуем оказаться под железной пятой другой однопартийной диктатуры — диктатуры партии дено.

Одна из задач любой диктатуры — это оглушение масс, кастрация духовности. Зачем? А затем, что бездуховным стадом легче манипулировать. Когда нет никакой надежды на будущее, надежда на поэзию все-таки есть. Но только там, где есть надежда на поэзию, есть и надежда на будущее.

Поэтому вы и записали телепрограмму из 52 еженедельных передач, в основе которой — ваша антология «Строфы века»? Да, именно поэтому. Все лето мы работали с прекрасной съемочной группой Рэн-ТВ, очень часто — по две смены в день. Это была единственная возможность донести шедевры русской поэзии, зачастую малоизвестные, даже до «медвежьих ульев». Программа была принята, а потом беспардонно снята с ленивыми объяснениями: «Помилуйте, кто сейчас интересуется поэзией? Это вам не ваши шестидесятые». Нам заявляют, что у нас нет политической цензуры. А разве коммерческая цензура не есть разновидность цензуры политической? Никто не пытается стать властителем дум, но каждый пытается стать властителем сумм.

Между прочим, мне пришлось слышать разговоры на такую тему: а почему это Евтушенко преподает в Америке? Если ему это нравится, почему бы не преподавать соотечественникам? Да мне этого никто всерьез и не предлагал. Вы забываете, что по всем нашим законам и традициям я не могу преподавать. Я человек без диплома. Я был исключен из восьмого класса 607-й школы в Марьиной Роще по подозрению в краже и сожжении сразу нескольких журналов. Подозрение было логичным — я получил за день до этого два кола. Лишь через много лет выяснилось, что это сделал круглый отличник, в ярости от того, что впервые получил четверку — затем он стал членом-корреспондентом Академии Наук. Когда в 19 лет я выпустил первую книгу, меня все-таки в виде исключения приня-

ли в Латинститут без диплома, но исключили с 4 курса в 1957, когда я защитил роман Дудинцева «Не хлебом единым», названный тогда «Литсоветским». Так что я — никто... а маленькая школьная история — урок всем нам, и мне в том числе. Нельзя подозревать. Лучше пойти на риск доверия...

Кстати, вы способны на риск доверия к нашим реформам? С способен. Но, по-моему, иногда они, реформы, не доверяют нам. Они иногда считают нас дураками, что ли... Переключив того же самого залосненного костюма, но только перешиваемого по фигуре новой власти, еще не есть реформы. Когда пристальной смотришь на новую лицезвущую сторону, становится ясно, что это — всего-навсего изнанка. По-моему, кое-кто из властей предержащих решил, что власть сможет прекрасно обойтись без интеллигенции. По их мнению, интеллигенция, как мавр, — она сделала свое дело и должна уйти. Но пока у нас не будет доктрины новой России — и геополитической, и духовной, мы будем маршировать на месте, только вытпывая землю. Нам нужны не столько партии, сколько конкретные, и в то же время философские программы. А кто способен на создание таких программ? Только интеллигенция.

Впрочем, вы просто зазнайка, нахал, и о нас, тебе вырвавших воло, в четверть уха лишь еле слышал? Я тебе быть глухим не позволю. Я приду к тебе, будто бы к полю, где когда-то по скалам пахал.

И в поэзию новых времен, в разливанное многоголосье я по пояс войду, как в колосья, и они отдадут мне поклон.

15 ноября

Подписанты Кто был Женя Евтушенко? В твоих рощах, комсомол, он внезапно, словно щелка, после вырубков расцвел.

Что спасало от расправы? Только щит нелегкой славы. Было слышно, как трещит весь в плевках и стрелах шит.

Наш парламент словно псарня. Низкопробен высший свет. И Бабеншышевой Сапе В их свободе места нет.

А Бабеншышева Сапа «Бабьих Яр» не писала. 25 ноября

двухдцать первый протиснусь, протырюсь, где беспаспортность и беспартийность, бесправительственность на земле.

К двадцать первому подобьюсь и узнаю — ни с кем не сравнимых — всех моих ненаглядных любимых в ликах царственно плавных бабусь,

Все товарищи мои там в двадцать первом, как в юности ранней, в теплой библиотеке дыханий, как по полкам, по чьим-то устам.

Век двадцать первый — убийца и тать, но он знал, что такое есть книга. Двадцать первый, а вдруг ты — барыга и умеешь лишь деньги лиistaa?

Вдруг ты сам себя жлобством заел, самоедством безлюбым, бесстрастия, и скучища смертельная счастья всех смертельных несчастий взамен?

Вдруг ты просто зазнайка, нахал, и о нас, тебе вырвавших воло, в четверть уха лишь еле слышал? Я тебе быть глухим не позволю. Я приду к тебе, будто бы к полю, где когда-то по скалам пахал.

И в поэзию новых времен, в разливанное многоголосье я по пояс войду, как в колосья, и они отдадут мне поклон.

15 ноября

Подписанты Кто был Женя Евтушенко? В твоих рощах, комсомол, он внезапно, словно щелка, после вырубков расцвел.

Что спасало от расправы? Только щит нелегкой славы. Было слышно, как трещит весь в плевках и стрелах шит.

ше против каких бы то ни было насильственных загоняний куда-либо. Будущее должно вырасти естественно из продуманной экономической-философской программы, земной и в то же время одухотворенной нравственными идеалами.

Назад возвращаться нельзя — прежняя наша система дискредитирована. Заимствовать чужие системы тоже нельзя — и они во многом скомпрометированы, — просто оказались более живучими, чем наша. Но не сегодня-завтра и они начнут разваливаться. Кто-то должен быть следующим.

Надо взять все лучшее из всех систем и отринуть все их ошибки и преступления. Это именно то, что Сахаров называл «конвергенция»... Люди либерально-демократических убеждений должны отказаться от личностных амбиций, перестать

заниматься мелкими межпартийными и внутрипартийными выясношениями, объединиться, иначе когда-нибудь судьба может их объединить совсем в другом месте, чем парламент... Реакция всегда побеждала либералов своим умением беспринципно объединяться. Это не беспринципность, а принципиальность.

В начале перестройки вы весьма активно участвовали в общественной деятельности — были депутатом последнего советского парламента. Не скучаете по политике? Я не жалею о том времени, когда я был депутатом. Это был колоссальный жизненный опыт, и хотя бы некоторым людям я смог конкретно помочь — в частности, содействовал освобождению две-

дцати несправедливо осужденных. Тем не менее, мне кажется, что писатель вообще не должен постоянно заниматься политикой. Балзак блистательно описывал мир парижских дельцов, но когда сам занялся торгово-банковскими делами, то немедленно обанкротился. Но писатель не имеет морального права совсем не интересоваться политикой — это или трусость, или еще хуже — равнодушие к тем, кто от политики страдает.

Ваши ближайшие планы? Принимаю экзаменационные работы студентов в Талсе, лечу в Вашингтон, и на следующий день после выступления в музее Холокоста лечу на Родину.

Первое, что вы сделаете в Москве? Конечно, сразу поеду к маме. ВАШИНГТОН.

Двадцать первый протиснусь, протырюсь, где беспаспортность и беспартийность, бесправительственность на земле.

К двадцать первому подобьюсь и узнаю — ни с кем не сравнимых — всех моих ненаглядных любимых в ликах царственно плавных бабусь,

Все товарищи мои там в двадцать первом, как в юности ранней, в теплой библиотеке дыханий, как по полкам, по чьим-то устам.

Век двадцать первый — убийца и тать, но он знал, что такое есть книга. Двадцать первый, а вдруг ты — барыга и умеешь лишь деньги лиistaa?

Вдруг ты сам себя жлобством заел, самоедством безлюбым, бесстрастия, и скучища смертельная счастья всех смертельных несчастий взамен?

Вдруг ты просто зазнайка, нахал, и о нас, тебе вырвавших воло, в четверть уха лишь еле слышал? Я тебе быть глухим не позволю. Я приду к тебе, будто бы к полю, где когда-то по скалам пахал.

И в поэзию новых времен, в разливанное многоголосье я по пояс войду, как в колосья, и они отдадут мне поклон.

15 ноября

Подписанты Кто был Женя Евтушенко? В твоих рощах, комсомол, он внезапно, словно щелка, после вырубков расцвел.

Что спасало от расправы? Только щит нелегкой славы. Было слышно, как трещит весь в плевках и стрелах шит.

Наш парламент словно псарня. Низкопробен высший свет. И Бабеншышевой Сапе В их свободе места нет.

А Бабеншышева Сапа «Бабьих Яр» не писала. 25 ноября

двухдцать первый протиснусь, протырюсь, где беспаспортность и беспартийность, бесправительственность на земле.

К двадцать первому подобьюсь и узнаю — ни с кем не сравнимых — всех моих ненаглядных любимых в ликах царственно плавных бабусь,

Все товарищи мои там в двадцать первом, как в юности ранней, в теплой библиотеке дыханий, как по полкам, по чьим-то устам.

Век двадцать первый — убийца и тать, но он знал, что такое есть книга. Двадцать первый, а вдруг ты — барыга и умеешь лишь деньги лиistaa?

Вдруг ты сам себя жлобством заел, самоедством безлюбым, бесстрастия, и скучища смертельная счастья всех смертельных несчастий взамен?

Вдруг ты просто зазнайка, нахал, и о нас, тебе вырвавших воло, в четверть уха лишь еле слышал? Я тебе быть глухим не позволю. Я приду к тебе, будто бы к полю, где когда-то по скалам пахал.

И в поэзию новых времен, в разливанное многоголосье я по пояс войду, как в колосья, и они отдадут мне поклон.

15 ноября

Подписанты Кто был Женя Евтушенко? В твоих рощах, комсомол, он внезапно, словно щелка, после вырубков расцвел.

Что спасало от расправы? Только щит нелегкой славы. Было слышно, как трещит весь в плевках и стрелах шит.

Наш парламент словно псарня. Низкопробен высший свет. И Бабеншышевой Сапе В их свободе места нет.

А Бабеншышева Сапа «Бабьих Яр» не писала. 25 ноября

двухдцать первый протиснусь, протырюсь, где беспаспортность и беспартийность, бесправительственность на земле.

К двадцать первому подобьюсь и узнаю — ни с кем не сравнимых — всех моих ненаглядных любимых в ликах царственно плавных бабусь,

Все товарищи мои там в двадцать первом, как в юности ранней, в теплой библиотеке дыханий, как по полкам, по чьим-то устам.

Век двадцать первый — убийца и тать, но он знал, что такое есть книга. Двадцать первый, а вдруг ты — барыга и умеешь лишь деньги лиistaa?

Вдруг ты сам себя жлобством заел, самоедством безлюбым, бесстрастия, и скучища смертельная счастья всех смертельных несчастий взамен?

Вдруг ты просто зазнайка, нахал, и о нас, тебе вырвавших воло, в четверть уха лишь еле слышал? Я тебе быть глухим не позволю. Я приду к тебе, будто бы к полю, где когда-то по скалам пахал.

И в поэзию новых времен, в разливанное многоголосье я по пояс войду, как в колосья, и они отдадут мне поклон.

15 ноября

Подписанты Кто был Женя Евтушенко? В твоих рощах, комсомол, он внезапно, словно щелка, после вырубков расцвел.

Что спасало от расправы? Только щит нелегкой славы. Было слышно, как трещит весь в плевках и стрелах шит.

Наш парламент словно псарня. Низкопробен высший свет. И Бабеншышевой Сапе В их свободе места нет.

А Бабеншышева Сапа «Бабьих Яр» не писала. 25 ноября

Подписанты Кто был Женя Евтушенко? В твоих рощах, комсомол, он внезапно, словно щелка, после вырубков расцвел.

Что спасало от расправы? Только щит нелегкой славы. Было слышно, как трещит весь в плевках и стрелах шит.

Наш парламент словно псарня. Низкопробен высший свет. И Бабеншышевой Сапе В их свободе места нет.

А Бабеншышева Сапа «Бабьих Яр» не писала. 25 ноября

Подписанты Кто был Женя Евтушенко? В твоих рощах, комсомол, он внезапно, словно щелка, после вырубков расцвел.

Что спасало от расправы? Только щит нелегкой славы. Было слышно, как трещит весь в плевках и стрелах шит.

Наш парламент словно псарня. Низкопробен высший свет. И Бабеншышевой Сапе В их свободе места нет.

А Бабеншышева Сапа «Бабьих Яр» не писала. 25 ноября